

Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии.

Ред. коллегия: Ю. Б. Коряков, А. А. Кибрик.

[*Languages of the World: Relict Indo-European Languages of Western and Central Asia.*

Ed. by Yuri B. Koryakov and Andrej A. Kibrik.]

Москва: Academia, 2013. 512 с. ISBN 978-5-87444-370-2.

Рецензируемая книга представляет собой очередной том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», выходящего с 1993 года. Издание все эти годы осуществляется силами Института языкознания Российской Академии наук. Хотя издание далеко не окончено, оно уже давно стало необходимым инструментом работы филологов всех специальностей, а также наиболее фундаментальным справочным пособием для неспециалистов, интересующихся вопросами языка и его структуры. Важнейшим обстоятельством, обусловившим уникальность «Языков мира» в ряду иных справочных пособий, является то, что все известные современной науке языки, независимо от их статуса (международный, государственный, официальный, вымирающий, мертвый, классический и т. п.), а также более крупные и более мелкие единицы генеалогической классификации языков (семьи, группы, подгруппы, диалекты) описываются в томах этой серии по единой схеме — точнее, по одной из четырех схем: «Статья о семье языков, группе языков, группе диалектов»; «Статья о языке»; «Статья о диалекте»; «Статья об отдельном языке объемом менее 0,5 а. л.». Эти типовые схемы, разработанные еще в прошлом веке основателями серии (В. Н. Ярцевой, а также В. А. Виноградовым, М. А. Журиной, В. П. Калыгиным, И. Ш. Козинским, А. А. Королевым, В. Я. Порхомовским и Я. Г. Тестельцом — см. с. 11), давно доказали свою универсальность и преимущества по сравнению с иными моделями описания; они приведены и в рассматриваемом томе (с. 505—506), что облегчает понимание структуры книги читателем.

Рассматриваемый том весьма сложен по своему составу. При его формировании учитывалось, какие языки были ранее описаны в серии «Языки мира». Составители также исходили из соображений логики и удобства описания. Наиболее крупная ветвь индоевропейской семьи языков, представленная в Передней и Центральной Азии — иранская — уже подробно описана в нескольких томах. Поэтому предметом рассмотрения в дан-

ном томе стали анатолийская, армянская и тохарская ветви индоевропейской семьи, а также фригийский язык (классифицируемый как «образующий отдельную ветвь индоевропейской семьи» — см. Предисловие, с. 12), относящийся к кельтской группе галатский и два языка арийской ветви: митаннийский индоарийский язык (Б. Л. Огибенин) и андроновский арийский язык (М. А. Живлов). Таким образом, почти все описанные языки — мертвые, кроме армянского языка, описание которого состоит из пяти отдельных статей и включает не только классический древнеармянский язык (Н. А. Дилбарян), но и его современные продолжения: восточноармянский литературный язык (Л. С. Овсепян), западноармянский литературный язык (А. Донабедян, Л. С. Овсепян, Р. К. Сакапетоян) и армянские диалекты (общий обзор — Л. С. Овсепян, Г. Г. Геворкян, характеристика отдельных диалектов — Г. Мартиросян).

Сложность поставленных задач потребовала от авторов и составителей — сотрудников московского Института языкознания Российской Академии наук — привлечь к работе не только представителей иных научных и учебно-научных учреждений России, но и зарубежных филологов (из Армении, Германии, Франции, Испании, Нидерландов и США). Тем важнее помещенный после основного текста книги раздел «Авторы и редакторы книги» (с. 486—487), где приведены их полные имена, годы рождения, места работы и даже (почти для всех авторов) адреса электронной почты. Затем приводятся «Принятая нотация и сокращения» (с подразделами «Сокращения названий языков и диалектов при словесных примерах», «Сокращения грамматических терминов и помет при языковых примерах», «Глоссы» и «Другие сокращения») и указатель названий реликтовых индоевропейских языков Передней и Центральной Азии (сост. Ю. Б. Коряков, с. 493—504).

Чрезвычайно важной, а во многих случаях совершенно необходимой для понимания частью книги являются приведенные в ней карты, состав-

ленные Ю. Б. Коряковым. Их шесть: «Анатолийские языки XVII—VII вв. до н. э.»; «Анатолийские, фригийский и галатский языки VII в. до н. э. — III в. н. э.»; «Тохарские языки»; «Общий обзор армянских диалектов»; «Армянский язык в Краснодарском крае и Абхазии»; «Армянские диалекты на традиционной территории». Краткий раздел «Карты реликтовых индоевропейских языков Передней и Центральной Азии», содержащий необходимые пояснения к картографическому материалу, завершает собой рассматриваемый том.

Неоднородность лингвистического материала и многочисленность авторов (21 автор и 2 редактора) обусловили различие в подходах и точках зрения, проявляющееся от статьи к статье. Так, в статье «Анатолийские языки» (А. С. Касьян, И. С. Якубович) предлагается генеалогическое деление индоевропейской семьи на «узкоиндоевропейские» и «праанатолийские» (с. 15, 17), что может подтолкнуть читателя к мысли о непохожести анатолийских языков на прочие индоевропейские, а в статье «Хеттский язык» (А. С. Касьян, А. В. Сидельцев) — несомненно, одной из лучших статей этого тома — констатируется: «В целом, х(еттский) я(зык) является типовым представителем индоевропейской семьи» (с. 43). В первой из названных статей противопоставление гласных по долготе-краткости в хеттском языке предстает как недоказанная гипотеза (с. 19—20), а во второй — как твердо установленный факт (с. 33 и сл.). Очень показательны с точки зрения вариативности подходов отношение различных авторов к ларингальной гипотезе: от подразумевания ее давно доказанной теорией, не требующей каких-либо оговорок (напр., ст. «Фригийский язык» — О. Лигорио, А. Лубоцкий — с. 186), до весьма скептического отношения к таковой индоевропейской реконструкции (ст. «Анатолийские языки», с. 21, ст. «Хеттский язык», с. 37). При этом уделяется большее внимание ностратической гипотезе (с. 21, 25). По-видимому, редакторы поступили единственно возможным образом, не стараясь во всех этих и подобных случаях «вводить единомыслие» в сравнительном языкознании и давая читателю возможность увидеть весь спектр мнений современной науки.

Из содержательных лакун с удивлением отметим, что в статье о древнеармянском (с. 221—242) нет никаких упоминаний о таком способе образования прошедшего времени, как аугмент *e-*, хотя о его наличии в грабаре и сохранении в ряде современных диалектов неоднократно говорится в других статьях рецензируемого издания, посвященных армянскому (с. 243, 328, 344, 345 Таблица, 354, 363, 375). По-

добные упущения досадны даже при сугубо синхронном описании языка, а ведь аугмент вдобавок является одной из важнейших изоглосс, позволяющих говорить о греко-армяно-арийском единстве.

В отношении пожеланий хотелось бы увидеть больше единомыслия в других, чисто филологических вопросах. Одна и та же река Малой Азии фигурирует то как «Сангариос» (карта 2), то как «Сангариус» (с. 97, 180) вместо традиционного «Сангарий»; столица Фригии по-русски — Гордий, а не «Гордион». Египетский фараон Аменхотеп III вдруг именуется на древнегреческий (или, скорее, дореволуционный лад) Аменофисом (с. 215), хотя выше в этой же статье «Митаннийский индоарийский язык» имя следующего представителя династии — фараона Аменхотепа IV — транскрибируется корректно (с. 202). В книге последовательно проводится введенная географами с середины прошлого века передача придыхания русским «х», что порой приводит к странным результатам («Халикарнасс» вм. «Галикарнас», в русской традиции с одним «с», — карта 2). Окончание мн. ч. топонимов передается то русским «-ы», что традиционно («Сарды» — там же), то в транскрипции «-ес» («Траллес» — там же). Правильно, естественно, «Траллы». При описании армянских диалектов используется то античная географическая номенклатура (Киликия, Севастия (с. 355 дважды), Евдокия, Кесария Каппадокийская, р. Галис, Эдесса), то турецкая (Эрзурум, Тарсус), то собственно армянская (Карин, Ерзинка). Представляется, что более широкое использование античной географической номенклатуры облегчило бы пользование разнородным материалом, особенно с учетом того, что античные названия большинства упоминаемых городов теперь известны (Сиврихисар (с. 358) — Спалля, Искендерун (с. 351, на с. 350 почему-то «Искендерон») — Александрия-у-Исса или Александретта, Кахраманмараш (Мараш) — Германикия, Карин — Феодосиополь, Латакия (с. 349) — Лаодикия, Нигде (с. 351) — Тиана (город, часто упоминаемый в других статьях тома), Мерсин — Адрианополь, Тарсус — Тарс (родина ап. Павла), Малатя (с. 359) — Мелитена, Ерзинка (Эрзинджан) — Эриза, Чапахджур — Китрида, Адьяман — Пордонний, Хой (с. 369) — Хавон, Игдир (с. 369) — Азары, Бурдур (с. 376) — Претория, Газиянтеп (с. 377) — Антиохия-на-Тавре, Орду (с. 357) — Котиоры, и т. д.). Севастия при этом несколько раз названа Себастией (с. 358, 361, 382); особенно странно звучит «Себастиийский диалект использовался в ... Севастии» (с. 355); заметим, непонятно и то, почему диалект Арапкира назван арабкирским

(с. 361), а диалект г. Белен — бейланским (с. 350). Несколько фантастична русская дореволюционная орфография на с. 378 (употребление твердого знака не было факультативным, а в словах «среднеармянский» и «современный» никогда не писалась буква «ять»). Глагол «прополоскать» относится к I, а не ко II спряжению (так на с. 127). Некоторые вольности заметны и в обращении с немецким (с. 96, 97, 106, 398, 444) и французским (с. 194, 216) языками. Имя хеттского царя Суппилулиумы то склоняется (с. 205), что правильно, то не склоняется (с. 199, 200); та же участь постигла и царя Саттывацу — он то склоняется (с. 212), то нет (с. 205). Есть в книге и просто опечатки (особенно тягостно это в начале, на с. 10).

При перечислении названий языков в начале статьи классические (греческое и/или латинское) названия даются не вполне последовательно. Достаточно сравнить, напр., статью «Фригийский язык» со статьей «Ликийский язык» (А. Клухорст), где из библиографии видно, что одна из основных книг по ликийскому языку написана по-латыни, и на титульном листе указано название этого языка (*lingua Lycia* — с. 154), но в начале статьи мы видим только русское, английское, немецкое и французское названия (с. 131).

В замечательной статье «Тохарские языки» (С. А. Бурлак, И. Б. Иткин) читаем: «Генетическое исследование таримских мумий показало, что по мужской линии они имеют индоевропейское происхождение, по женской же — преимущественно местное» (с. 387). Понятно, что хотели сказать авторы: одни мумии принадлежат представителям европеоидной расы, другие — монголоидам, и, видимо, ими двигало нежелание употреблять несколько дискредитированное понятие «раса». Однако в том виде, как это сказано, данное высказывание может привести кого-нибудь к мысли, что методом генетического анализа биологического материала можно каким-то образом определить язык, на котором говорил покойник.

Трудно согласиться с даваемой в ст. «Галатский язык» (Т. А. Михайлова) датировкой существования этого языка «предположительно до IV в.» (с. 196, со ссылкой на бл. Иеронима, но без указания места). При этом приводится другое мнение, согласно

которому галатский язык вымер «гораздо раньше» (там же). В действительности исторические данные позволяют с уверенностью говорить о том, что галатский язык просуществовал по крайней мере на столетие дольше.

Греческие авторы православного Востока, жившие в Малой Азии и сопредельных областях, оставили свидетельства о существовании галатского языка по меньшей мере до V в. Речь идет, в частности, о написанном Кириллом (не путать с отцом Церкви Кириллом Александрийским) «Житии Евфимия». В этом житии описан эпизод (Cyrill. Vita Euthymii p. 77, 8)¹, когда (во время экзорцизма) звучит галатская речь, причем окружающие однозначно определяют ее как галатскую: используется редкое наречие Γαλατιοῦτι «по-галатски, на галатском языке». Кирилл умер после 580 года, и даже если делать скидку на то, что, быть может, он передает данные о близкой по времени (и доступной в устной традиции), но уже ушедшей реальности, то получается V в. (время жизни Евфимия). Собственно, датой смерти бл. Иеронима считается 420 год, т. е. конец второго десятилетия V века, и поэтому непонятно, почему, имея его свидетельство из «Толкования на послание ап. Павла „К галатам“»², следует постулировать вымирание галатского языка еще на глазах его поколения.

Впрочем, все высказанные замечания не отрицают того факта, что перед нами — фундаментальный научный труд, знаменующий новую веху в русском и мировом языковедении, который содержит множество новых и даже прорывных решений и интерпретаций лингвистического материала. Остается пожелать коллективу Института языкознания успехов в осуществлении планов по изданию дальнейших томов этой серии.

¹ Свидетельство Кирилла о галатском языке любезно сообщено мне проф. Д. Е. Афиногеновым, за что приношу ему искреннюю благодарность.

² Hier. Gal. II, PL. Migne col. 328, 38 (unum est quod inferimus, et promissum in exordio reddimus, Galatas excepto sermone Graeco, quo omnis Oriens loquitur, propriam linguam eamdem p(a)ene habere quam Treuiros, nec referre, si aliqua exinde corruperint, cum et Afri Phoenicum linguam nonnulla ex parte mutauerint, et ipsa Latinitas et regionibus quotidie mutetur et tempore).